

УДК 304.9

ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

Х. Б. Бадарчи

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН
Кызыл, Российская Федерация
e-mail: herel_badarchi@mail.ru*

Н. О. Товуу

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН
Кызыл, Российская Федерация
e-mail: tovuu@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования и динамики общественных настроений в этнической среде в контексте влияния экономических и социокультурных факторов. Существует парадокс стабилизации (стагнации) общественной и социально-политической активности населения на фоне ухудшения социально-экономических условий в регионе проживания, которая, к примеру, явно проявляется в условиях этнической периферии. В качестве модельного региона исследуется Республика Тыва и коренной этнос – тувинцы. Авторы исследования связывают существующий парадокс с потерей у представителей малого этноса чувства субъектности в отношении вопросов общерегионального общественного значения и, напротив, чувства значимости родственных связей, как источника безопасности, благополучия в обычной жизнедеятельности. Значимость родственных связей определяет высокий потенциал сплочиваемости при второстепенности предмета совместного (общественного) действия. Это положительный ресурс с точки зрения управляемости этнического общества как объекта управления, в частности, сохранения социально-политической стабильности в регионе. Вместе с тем, очевидно, что видимые проявления общественных настроений не соответствуют реальному положению в экономике и социальной сфере. Общественная апатия может стать причиной консервации упадка или ухудшения социально-экономического положения региона, социально-политической нестабильности и иных катаклизмов в будущем. Это вопрос, требующий глубокого анализа, обсуждения и своевременного разрешения для недопущения негативных последствий, напротив, гармонизации развития нашей многонациональной страны в будущем.

Ключевые слова: общественные настроения, психологический облик, экономика, этнос.

Для цитаты: Бадарчи Х. Б., Товуу Н. О. Детерминанты общественных настроений в этнической среде (на примере Республики Тыва) // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №4. С. 4388–4396. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-22>

DOI: 10.20913/2618-7515-2020-4-22

DETERMINANTS OF PUBLIC MOOD IN ETHNIC ENVIRONMENT (A CASE OF THE REPUBLIC OF TYVA)

Badarchi, K. B.

*Tuvinian Institute for Complex Exploration of Natural Resources of the SB RAS
Kyzyl, Russian Federation
e-mail: herel_badarchi@mail.ru*

Tovu, N. O.

*Tuvinian Institute for Complex Exploration of Natural Resources of SB RAS
Kyzyl, Russian Federation
e-mail: tovu@mail.ru*

Abstracts. *The article examines features of the public attitude formation and dynamics in the ethnic environment in the context of influencing economic and socio-cultural factors. There is a paradox of stabilization (stagnation) of the population social and socio-political activity at the background of worsening socio-economic conditions in the residence region, which is clearly manifested in the ethnic periphery conditions. The Republic of Tyva and the indigenous ethnic group (Tuvinians) are studied as a model region. The authors associate the existing paradox with the loss of a subjectivity sense by representatives of a small ethnic group related to issues of general regional social significance and, on the contrary, a significance sense of family ties as a source of safety and well-being in ordinary life. The importance of family ties determines the high potential of cohesion with the secondary importance of the subject of joint (social) action. This is a positive resource from the point of the manageability of an ethnic society as an object of management, in particular, preserving socio-political stability in the region. At the same time, it is obvious that the visible manifestations of public sentiment do not correspond to the real situation in the economy and social sphere. Public apathy can cause declining or deteriorating the regional socio-economic situation, socio-political instability, and other cataclysms in the future. This issue requires deep analysis, discussion and timely resolution to prevent negative consequences, on the contrary, harmonize the development of our multinational country in the future.*

Keywords: *public sentiment, psychological appearance, economy, ethnos.*

For quote: *Badarchi, K. B., Tovuu, N. O. [Determinants of public mood in ethnic environment (a case of the Republic of Tyva)]. Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 4388–4396. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-22>*

Введение. Термин «этнический» в настоящей статье употребляется в аспекте части нации, в первую очередь, небольшого по численности этноса. Объектом исследования являются коренные жители Республики Тыва – тувинцы. Данный этнос в контексте рассматриваемой проблематики выбран модельным по нескольким причинам. Тыва вошла в состав России в 1944 г. [1, с. 29] и является одним из самых молодых субъектов России, если не считать воссоединение Крыма. Регион является практически моноэтническим, в котором около $\frac{3}{4}$ населения составляют тувинцы. При этом согласно данным переписи населения 2010 г. русских в Тыве 16,1% от общей численности. Половина населения Тывы в особенности в западной ее части проживает в практически полной моноэтнической среде, состоящей только из коренного населения. Еще одной стороной, усиливающей «этничность» населения региона, является достаточно редкое для российского общества вероисповедание – буддизм. Эти факторы в совокупности определяют явно контрастирующее на общем фоне и сохраняющееся культурное и ментальное своеобразие тувинцев.

По состоянию на 2019 г. регион неоднократно признавался наиболее бедным в России. Около 40% населения имеют доходы ниже установленного прожиточного минимума [2]. Тыва так же возглавляет список регионов с наибольшей закредитованностью населения [3]. Основной причиной бедности является экономическая неразвитость региона. При всем этом представляется парадоксальным тот факт, что социально-политическая обстановка в регионе является одной из самых стабильных по сравнению с другими регионами страны. Попытки организовать часть общества на выражение протестных настроений со стороны отдельных политических сил обычно заканчиваются неудачей. Тувинцы в этом аспекте ведут себя очень консервативно и осторожно.

В частности, по результатам выборов в Государственную Думу Федерального Собрания 2016 г. 85% избирателей в Тыве проголосовали за одну и ту же политическую партию – «Единая Россия» [4]. Регион является одним из лидеров по уровню поддержки действующей власти, соревнуясь по этому показателю только с Чеченской Республикой (96% за ВПП «Единая Россия»). Отдельных исследований по тематике политических предпочтений разных этносов, проживающих внутри Тывы, не проводилось. Вместе с тем по экспертным наблюдениям следует отметить, что отдельные очаги политического плюрализма характерны для интернациональных коллективов организаций с относительно высоким уровнем оплаты труда, в частности, энергетических, инфраструктурных компаний и частично малого бизнеса. В моноэтнической среде в особенности в отдаленных от административного центра районах за редкими исключениями политическим экспериментам предпочитают стабильность какой бы она не была.

Постановка задачи. Наблюдаемый феномен сплавивания тувинцев вокруг властей на фоне явных неудач последних в вопросах социально-экономического развития выглядит на первый взгляд парадоксальным. Более предсказуемым было бы обратное поведение, а именно рост протестной активности на фоне бедности, экономической отсталости и, напротив, стабилизация – на фоне роста и развития. Природа описываемого феномена является предметом данной статьи.

Гипотеза исследования состоит в том, что общественные настроения в этнической среде на современном этапе развития российского общества детерминируются комплексом из следующих ключевых факторов:

- объективного порядка: особенностями психологии восприятия и оценки различных аспектов жизни представителями малых этносов;
- субъективного порядка: местом и ролью данных особенностей в контексте традиционной модели сосуществования государствообразующего и других этносов в единой системе.

Методология и методика исследования. Маловероятно, что самосознание и индивидуальное поведение среднестатистического жителя Москвы и, к примеру, представителя малочисленной коренной народности России вне социального контекста будут иметь какие-либо существенные отличия. Вместе с тем в контексте культурной, этнической принадлежности даже без учета языковых барьеров потребуется немало усилий для адаптации одного к условиям жизни другого в соответствующих социокультурных реалиях. Очевидно, что особенности коллективного сознания и поведения больших социальных групп, в том числе этносов, неразрывно связаны с такими объективными характеристиками, как средняя численность, компактность проживания и т. д., которые в свою очередь имеют связи с особенностями ведения быта, общественной организации и комплексными характеристиками культурно-мировоззренческого порядка.

Грубо говоря, для малочисленных племен и небольших народностей, проживающих в изоляции, для сохранения устойчивости социума может быть достаточно некой древней системы анимистических представлений о природе и верования на подобие шаманизма в Туве. Но большие современные полиэтнические многоконфессиональные сообщества как население центральной части России, жителей Европейского Союза сложно представить уже без многотомной кодифицированной системы норм светского права, обязательного к соблюдению для всех. Таким образом, мы видим, что для процессов общественного развития являются справедливыми известные законы диалектики количественных и качественных изменений. Более того, к обществу как к системе таким же образом справедливы положения и концепции общей системной теории [5].

С ростом численности этноса как открытой социально-экономической системы пропорционально растет и число аспектов-вызовов со стороны среды (природные, экономические, социальные и т. д.). Чтобы сохранить устойчивость роста согласно концепциям У. Эшби [6], С. Бира [7] общество усложняется структурно (качественно), в том числе во всех аспектах управления своей жизнедеятельностью до адекватного уровню сложности (числу аспектов реагирования) среды его существования. Это может касаться языка, культуры, религии и иных аспектов жизнедеятельности. Отстающие в каком-либо из аспектов цивилизационного развития этносы вынуждены ассимилироваться в этих же самых аспектах с более преуспевающими, если можно так выразиться «войти в пространство с общей системой координат». Каждая из сторон данного процесса получает свои выгоды, как и в определенной мере какие-то потери. Для ассимилирующегося сообщества – это возможность ускоренного в цивилизационном аспекте развития, но часто потери самобытности и автономии. Для ассимилирующей стороны – это новый ареал влияния, как и дополнительная ответственность и заботы.

Согласно системной теории, а именно закону Бергаланфи, конечное состояние открытой системы не зависит от ее исходного состояния. Согласно этому же закону для открытых систем не существует единственного способа достижения одного и того же результата [5]. Тувинский этнос [8] ввиду своей относительной малочисленности в разные исторические эпохи находился в составе или подчинении тюркского, монгольского, китайского, а с середины XX в. и русского суперэтносов. Лишь в короткий период между двумя мировыми войнами, с 1921–1944 гг., просуществовало образованное тувинцами самостоятельное государство – Тувинская Народная Республика [9]. Сегодня Республика Тыва является частью Российской Федерации. Тувинцы унаследовали от общего государства тюрков язык, от монголов – традиционную культуру и быт, после Цинской империи в Туве устоялся буддизм и некоторые элементы организации общества, в частности, система административного деления территорий на кожууны (районы), сумоны (поселения) и арбаны (местности). Современное состояние тувинского этноса, в частности, такие важные элементы жизни как письменность, правосознание и т. д. сформированы под непосредственным влиянием русской, советской культуры.

Унификация путем заимствования комплексных элементов жизни и культуры одних этносов дает другим этносам возможность ускоренного развития. Вместе с тем, любая унификация для малого этноса означает ее вхождение или принадлежность какой-либо более крупной надсистеме. Согласно той же системной теории каждая система (биологическая или социальная) стремится сохранить себя (выжить) и использует для достижения этого весь свой потенциал. Это справедливо как для самого малого

этноса, так и суперэтноса, в зону влияния которого входит малый этнос. Первый объективно стремится не допустить полного растворения в рамках условной надсистемы, а второй стремится не допустить отпочкования, то есть полной автономии условной подсистемы. Обе крайности означают разрушение одного из уровней в качестве системной целостности. Возникает противоречие, которое в социальных системах может разрешаться разными путями: «правом сильного» либо договором, или же сочетанием того и другого.

Судя по народному фольклору и отдельным историческим источникам «право сильного» в Туве часто реализовывалось Цинскими (китайскими) правителями. В сознании рядового тувинца времена Цинской империи часто ассоциируются с карательными экспедициями и восстаниями [10]. С монголами же в более раннюю историческую эпоху скорее были союзнические отношения. В тувинском фольклоре и отдельных иностранных исторических источниках сохранился образ одного из полководцев Чингисхана – Субедея [11], который, согласно преданиям, ушел служить к нему с целью обезопасить свой народ от возможного уничтожения со стороны объединявшихся и набиравших силу монгольских племен. Факт того, что сегодня тувинцы едва ли не единственный тюркоязычный этнос, исповедующий буддизм, в то время как подавляющая часть тюрков являются приверженцами ислама является наглядным свидетельством сложной истории становления и развития этноса полной угроз и вынужденных компромиссов.

Что касается новой истории, то Тува стала едва ли не единственным субъектом, подтверждавшим формально федеративное устройство РСФСР, поскольку вошла в состав страны, будучи независимым государством, на основе договора. В момент становления современной России федеративный договор с центром, как известно, подписали все ее субъекты. Следует отметить, что в истории вхождения Тувы в состав России нет ни одного факта вооруженного столкновения между тувинцами и русскими, то есть колонизации территории в ее классическом понимании. Вместе с тем, в рамках традиционной модели сосуществования с государствообразующим этносом тувинцы так или иначе должны были унифицироваться с русскими по ряду комплексных элементов жизни и культуры, ликвидируя свои собственные эволюционные наработки в сфере общественных институтов и конструктов. В частности, это касается системы государства и права. Выражаясь современным языком, нация и отдельный этнос в целях разрешения системного противоречия разграничивают «предметы ведения», приходя к тому самому компромиссу сторон. В противном случае система взаимоотношений перестает быть устойчивой. Поскольку компромисс заключается в балансе выгод и потерь от сотрудничества диалог переносится на аксиологический уровень существования малого этноса в рамках суперэтноса.

Череда исторических вех сосуществования тувинского этноса с окружающими его крупными этносами, нациями так или иначе оставила свой след, внесла свою лепту в процессе формирования его психологического облика, в том числе преобладающей системы ценностей среди представителей этноса. Взаимоотношения малых этносов с государствообразующими этносами в любых странах мира означают, что для первых по очевидным причинам накладываются довольно сильные ограничения. Значительное пространство для автономных действий и потенциальный набор средств и способов для достижения общественных интересов объективно оказываются вне контроля малого этноса. Представители этноса в естественном стремлении улучшить уровень и качество своей жизни переводят свое внимание на подконтрольные уровни средств и способов улучшить свою жизнь. С учетом возможностей этих самых средств и способов соответствующей деформации подвергается, к примеру, характерная для статистического большинства представителей этноса система ценностных ориентаций. Под деформацией здесь мы имеем в виду именно стойкие изменения, в частности, тех же ценностных ориентаций в контексте систематически влияющих значимых факторов среды. Смеем допустить, что парадокс спланирования тувинцев вокруг властей на фоне явных их неудач в вопросах социально-экономического развития может быть связан с устойчивым ощущением несубъектности по таким общим вопросам социума в контексте понимания важности сохранения уровня межличностных отношений. Наглядным образным примером может быть некий поселок с богатыми коттеджными постройками, но вечно разбитыми дорогами и неухоженными улицами. Важно благополучие во дворе, максимум – отношения с ближайшими соседями; а все что происходит вовне не имеет важности, поскольку от нас все равно ничего не зависит. Итого по сетевому принципу все придерживаются единого мнения, а корректность и конструктивность мнения остаются не столь важными.

В этой связи уместно разобраться в структуре психологического облика тувинцев. Согласно советскому и российскому психологу и антропологу В. М. Русалову, в контексте системной теории «явление считается понятым в том случае, если найдена его структура» [12]. Концепция по исследованию структурных составляющих психологического облика этноса впервые была разработана профессором Института психологии РАН Е. Н. Резниковым [13]. И по интересному совпадению эта концепция впервые

была апробирована в Республике Тыва в конце XX в. Тематика психофизиологической дифференциации по этническому признаку в силу ее деликатности, особенно в контексте многонационального СССР и позже России, разрабатывалась, если можно так сказать, очень осторожно. Наиболее представительными работами по описанию конкретных этносов в зарубежной исследовательской практике являются работы Д. Горера [14] («Американцы», «Народ великой России» – совместно с Д. Рикманом, «Японский национальный характер» и др.). Его работа «Исследование английского характера» до сих пор остается одним из самых масштабных в истории этнопсихологии.

В системе этнопсихологического облика общественные настроения относятся к динамическим структурам, то есть подверженным с течением времени изменениям. Они определяются как относительно длительные эмоциональные состояния общности людей, вызванные воздействием на них различных фактов и явлений [15]. В то же время настроения очень тесно переплетены со статическими структурами этнопсихологического облика, в частности, с психическим складом (ума – *примеч. авт.*): характером, традициями и обычаями. Впервые такую систематику предложил В. И. Кукушкин в 1973 г. В более поздних исследованиях содержатся попытки обозначить механизм влияния статических структур на динамические. Структуру этнопсихологического облика предлагается рассматривать как макросистему (полисистему), состоящую из трех уровней (подсистем): верхнего – аксиологического, то есть ценностного (ценностные ориентации), среднего – уровня отношений, и низшего – уровня проявления психических процессов, состояний и свойств [13, с. 52–62; 16, с. 29]. Все три уровня психологических характеристик взаимосвязаны между собой. По мнению Н. М. Полянской и Е. Д. Дорофеева, «макросоциальные или идеологические ценности, не будучи непосредственным источником ценностей личных, участвуют в их отборе индивидом в качестве своего рода «социального семафора»: они «поощряют» одни личные цели и ориентации, «запрещают» другие и проявляют нейтралитет к третьим. Являясь социально-индивидуальным существом, человек не обязательно строго следует этим сигналам, но в разной степени считается с ними, пытается как-то согласовать свои внутренние побуждения с социально санкционированными нормативными ценностями» [15, с. 3–16]. Многоуровневая система этнопсихологических характеристик предполагает относительную автономию каждого уровня, но, вместе с тем и определенную их соподчиненность, и взаимозависимость.

С позиций этнической психологии регуляторами поведения и идеалами, сохраняющими статичность в течение длительного времени и к которым так или иначе стремятся соответствовать представители этноса являются ценностные ориентации [16, с. 27]. Согласно результатам исследования структуры и элементов этнопсихологического облика тувинцев, проведенного профессором Е. Н. Резниковым наиболее важной ценностью-целью, согласно автостереотипному (оцененному представителями самого этноса) и гетеростереотипному (оцененному представителями других этносов) мнению, однозначно определяются категория «семья» с подкатегорией «забота о детях», равно как и «отношения с представителями своей национальности» с подкатегориями «отношения с родственниками» и «совместно с представителями своего народа проведение национальных праздников» [16, с. 49]. Эти ценности находят свое наглядное отражение и подтверждение в фольклоре и в рядовой жизнедеятельности тувинцев, в частности, в поговорках, пословицах. *«Тыва кижинии байы ажы толунде»*, что в дословном переводе означает «Богатство тувинца – в детях» или *«Торел билбес – донгур бугага домей»* («Не знающий родни похож на быка без рогов»). По показателю суммарного коэффициента рождаемости или количества детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста Тува – лидер в современной России с показателем 3,19 (по данным 2017 г.) [17, с. 19]. Не только национальные праздники, но и праздники вообще в тувинской семье редко обходятся без большого количества гостей из числа родственников (обычная тувинская свадьба в среднем собирает 400–700 гостей со стороны жениха и невесты).

При этом интересно, что и согласно мнению представителей самого этноса и представителей других этносов, проживающих в Туве, ценность-цель «Жизнь с комфортом» занимает одно из последних мест. Согласно гетеростереотипному мнению категория «Активная деловая жизнь», имеющая непосредственное отношение к экономическому положению в регионе, также занимает одно из последних мест в системе ценностей тувинцев. Очевидно, что в условиях неразвитой экономики эти ценности-цели в представлениях среднестатистического жителя региона труднодостижимы либо неустойчивы. Замеры настроений относительно оценок текущей ситуации в экономике и в 1998 и в 2018 гг. показывают, что общественные настроения в наибольшей степени соответствовали категориям «Напряженность» и «Пессимистичность» и, наоборот, в наименьшей степени категориям «Удовлетворенность» и «Стабильность». При этом, как уже было отмечено, регион один из лидеров по социально-политической стабильности и каких-либо значимых общественных событий, отражавших эти настроения в сфере проявлений, по крайней мере, в истории современной Тувы не отмечалось.

Результат. Таким образом, парадокс спланирования тувинцев вокруг властей на фоне явных их неудач в вопросах социально-экономического развития вполне согласовывается с обозначенными выше особенностями психологии восприятия и оценки различных аспектов жизни. Парадоксально, но, к сожалению, именно хроническая бедность является условием социально-политической стабильности этнической периферии. В условиях четкого понимания несубъектности в вопросах общего развития центр внимания и забот людей перемещается на уровень личного и семейного благополучия. В условиях близких к экстремальным (в частности, рисков потерять работу на фоне довольно компактной и отсталой экономики, высокой безработицы) любая значимая общественно-политическая активность будет связана с реальной угрозой не только личного благополучия представителя этноса, но и благополучия его близких и родных. Опасаясь этого, жители Тувы стараются придерживаться консервативных взглядов. Поэтому, несмотря на общественные настроения, де-факто соответствующие категориям «Напряженность» и «Пессимистичность» касательно общей ситуации, тувинское общество, руководствуясь искаженными представлениями аксиологического порядка, ограниченными личным благополучием, благополучием близких и родственников, демонстрирует парадоксальную солидарность в поддержке, по сути, собственной бедности.

Исходя из этого следует, что значимой динамики общественных настроений в Туве в явных проявлениях в виду системной экономической стагнации или даже рецессии и их социальных последствий ожидать не стоит только если это не поставит под непосредственную угрозу возможность реализации ценностей-целей среднестатистического представителя этноса, а именно: «семья» с подкатегорией «забота о детях», категории «отношения с представителями своей национальности» с подкатегориями «отношения с родственниками».

Выводы. С одной стороны, можно сказать, что на текущем этапе развития российского общества модель жесткого межуровневого распределения между государствообразующим этносом и остальными стабильно функционирует. Но что же будет, если произойдут социально-экономические и политические катаклизмы, подобные застою 80-м и кризисным 90-м гг. прошлого века? Рецессия в экономике может оказаться такой, что может поставить под сомнение возможности достижения ценностей-целей самого элементарного порядка как безопасность и благополучие семьи и детей. Всплеск сепаратизма в этнических союзных республиках СССР и регионах РСФСР это, по нашему мнению, наглядная демонстрация неготовности данной модели к таким сценариям.

Получается определенная ловушка развития. По сути негласная договоренность между государствообразующим этносом и другими этносами означает, что первый берет на себя ответственность за стабильный общий рост, а вторые – содействие этому процессу в рамках предоставленной автономии действий. Но на практике это оборачивается хронической бедностью провинции. Общественные настроения, по факту соответствуя категориям «Напряженность» и «Пессимистичность», не проявляя себя при этом никаким образом, то есть перемещаясь в латентную область, отражают полную демотивацию региональных и местных сообществ по вопросам, касающимся развития регионов, местностей. Активные и инициативные управленцы в регионах и муниципалитетах могут быть, но их действия часто будут терять эффективность на фоне инертности масс, убежденных в своей несубъектности по вопросам общего развития.

Далее, с одной стороны, на местах будут расти иждивенческие настроения, а с другой – возникать ответные порывы со стороны центра перейти на ручное управление с обвинениями в адрес местных управленцев в некомпетентности, недисциплинированности и неисполнительности. С уровнем сложности и разнообразия объекта управления, соответствующим более 80 регионов и 20 тысячам муниципалитетов, ручное управление практически невозможно или условно возможно для очень стабильной и предсказуемой среды. Но известно, что современный глобальный мир не становится более стабильным и предсказуемым, а наоборот становится все более динамичным. Последствия пандемии коронавируса в 2020 г. и падения нефтяных рынков наглядно это демонстрируют. Итог вполне предсказуемый: центр по известным основаниям будет сильнее «закручивать гайки пока не сорвет», но гармоничного развития скорее всего не получит.

Согласно теории мотивации Маслоу [18] человек, не обеспечивший удовлетворение потребностей нижних этажей пирамиды, не может в полной мере думать и решать задачи удовлетворения верхних ее этажей. Восприятие рассматриваемой модели сквозь призму данной концепции порождает спекуляции на конспирологических версиях происхождения хронически отставшей и преимущественно этнической периферии, а именно о том, что бедность поддерживается искусственно в целях сохранения высокого уровня зависимости и возможности контроля. А. Пшеворский [19] в своей книге «Демократия и рынок», описывая неудачи с построением демократических обществ в странах Восточной Европы, связывает их с уровнем бедности населения. Бедность действительно коррелирует с уровнем

образования, долей маргинализированной части общества, способностью граждан принимать адекватные решения в обществе и с пользой для общества. По нашему мнению, если это действительно имеет место быть, то данная модель в современных условиях не может считаться цивилизованной, она является «каннибалистической» по своей сути, более того, в долгосрочной стратегической перспективе, как мы уже показали, является тупиковой.

В связи с этим представляется необходимым посмотреть на изучаемую проблему сквозь положения другой более современной, но не менее известной концепции – теории мотивации Герцберга [20]. Согласно ей обеспечение так называемых гигиенических факторов, к числу которых относятся и деньги (доходы) создают основу для жизнедеятельности человека, но не более. Согласно этой концепции самими мотиваторами являются, в частности, чувства ответственности, причастности, долга, признание коллег и т.д., одним словом субъектности. Считаем, что в стратегической перспективе модель взаимодействия между государствообразующим и остальными этносами, в частности, в многонациональной России должна быть основана на этих факторах. В частности, вполне очевидно, что стабильность, поддерживаемая в регионах Северного Кавказа на основе финансовых вливаний, силового контроля не может быть устойчивой. Это актуально пока центр может обеспечивать все это. Более удачным примером для стабильности и глубоких доверительных братских отношений между государствообразующим русским этносом и другими является, к примеру, участие чеченского батальона военной полиции в сирийском конфликте. Пример грубый, но подобные модели представляется возможным трансформировать в гражданских сферах: в дипломатии, в торгово-экономических отношениях. В этом случае, мы уверены, общественные настроения в этнической среде будут в полной мере соответствовать действительному отношению к общей обстановке, проявляться в действиях, направленных на реализацию общих ценностей россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доржу З. Ю. Тувинская Народная Республика накануне и во время Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №1. С. 29–36.
2. Рейтинг регионов по доходам населения – 2020 // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20200706/1573773182.html> (дата обращения: 13.09.2020).
3. Рейтинг регионов по закредитованности населения – 2019 // РИА рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191224/630147980.html> (дата обращения: 13.09.2020).
4. В Туве «Единая Россия» набирает 85% голосов избирателей // Единая Россия. Республика Тыва. URL: <https://tyva.er.ru/news/2016/9/19/v-tuve-edinaya-rossiya-nabiraet-85-golosov-izbiratelej> (дата обращения: 13.09.2020).
5. Bertalanffy L. General system theory. Foundations, development, applications. New York: G. Braziller, 1968. 289 p.
6. Ashby W. R. Principles of the self-organizing dynamic system // Journal of General Psychology. 1947. Vol. 37. P. 125–128.
7. Pickering A. Cybernetic brain: sketches of another future. Chicago: Univ. of Chicago Press. 2014. 537 p.
8. Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. №3. С. 19–37.
9. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в 20 веке. Москва: Наука, 2004. 221 с.
10. Качан И. Вернется ли в Туву Амыр-Санаа? // Tuva. Asia. Новые исследования Тувы. 2013. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/6071-amy-sanaa.html> (дата обращения: 13.09.2020).
11. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: пер. с перс. Т. 2. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
12. Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психологические и психологические исследования. Москва: Ин-т психологии РАН, 2012. 528 с.
13. Резников Е. Н. Концептуальное представление о структуре этнопсихологического облика народа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. №1. С. 52–62.
14. Gorer G. Exploring English character. New York: Criterion Books, 1955. 328 p.
15. Ценностное сознание личности в период преобразования общества / ред. Е. Д. Дорофеев, Л. А. Семенов. Москва: Ин-т психологии РАН, 1997. 95 с.
16. Резников Е. Н., Товуу Н. О. Этнопсихологические характеристики народа Тыва: теория и практика. Москва: ПЭРСЭ, 2002. 223 с.
17. Бирюкова С. С., Горина Е. А., Горьянова А. Р., Гудкова Т. Б., Карева Д. Е., Любушина Е. С., Овчарова Л. Н., Тер-Акопов С. А. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и о-ва (Москва, 9–12 апр. 2019 г.). Москва: ВШЭ, 2019. 153 с.

18. Maslow A. H. *Motivation and personality*. New York: Harper & Row, 1970. 72 p.
19. Przeworski A. *Democracy and the market; political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge Univ. Press. 1991. 193 p.
20. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. *The motivation to work*. New York: Wiley & Sons, 1959. 114 p.

REFERENCES

1. Dorzhu Z. Yu. Tuvan People's Republic on the eve and during the Great Patriotic War. *Bulletin of Tomsk State University*, 2016, no. 1, pp. 29–36. (In Russ.)
2. Rating of regions by population income – 2020. *RIA News*. URL: <https://ria.ru/20200706/1573773182.html> (accessed 13.09.2020). (In Russ.)
3. Rating of regions by debt burden of the population – 2019. *RIA Rating*. URL: <https://riarating.ru/in-fografika/20191224/630147980.html> (accessed 13.09.2020). (In Russ.)
4. In Tuva «United Russia» gains 85% of the vote. *United Russia. Republic of Tyva*. URL: <https://tyva.er.ru/news/2016/9/19/v-tuve-edinaya-rossiya-nabiraet-85-golosov-izbiratelej> (accessed 13.09.2020). (In Russ.)
5. Bertalanffy L. *General system theory. Foundations, development, applications*. New York, G. Braziller, 1968, 289 p.
6. Ashby W. R. Principles of the self-organizing dynamic system. *Journal of General Psychology*, 1947, vol. 37, pp. 125–128.
7. Pickering A. *Cybernetic brain: sketches of another future*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 2014, 537 p.
8. Anaiban Z. V., Mannai-ool M. Kh. Origin of Tuvans. History. *New Studies of Tuva*, 2013, no. 3, pp. 19–37. (In Russ.)
9. Moskalenko N. P. *Ethnopolitical history of Tuva in the XX century*. Moscow, Nauka, 2004, 221 p. (In Russ.)
10. Kachan I. Will Amyr-Sanaa return to Tuva. *Tuva. Asia. New studies of Tuva*. 2013. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/6071-amyr-sanaa.html> (accessed 13.09.2020). (In Russ.)
11. Rashid ad-Din. *Collection of chronicles*: transl. from Persian. Vol. 2. Moscow, Leningrad, USSR AS Publ., 1960, 248 p. (In Russ.)
12. Rusalov V. M. *Temperament in the structure of human personality: differential psychophysiological and psychological studies*. Moscow, Inst. of Psychology RAS, 2012, 528 p. (In Russ.)
13. Reznikov E. N. Conceptual understanding of the structure of the ethnopsychological image of the people. *RUDN Bulletin*, 2006, no. 1, pp. 52–62. (In Russ.)
14. Gorer G. *Exploring English character*. New York, Criterion Books, 1955, 328 p.
15. Dorofeev E. D., Sedov L. A. (eds.) *Value consciousness of the person at the society transformation*. Moscow, Inst. of Psychology RAS, 1997, 95 p. (In Russ.)
16. Reznikov E. N., Tovuu N. O. *Ethnopsychological characteristics of the Tuva people: theory and practice*. Moscow, PERSE, 2002, 223 p. (In Russ.)
17. Biryukova S. S., Gorina E. A., Goryainova A. R., Gudkova T. B., Kareva D. E., Lyubushina E. S., Ovcharova L. N., Ter-Akopov S. A. *Families with children in Russia: standard of living and policy of social support*: rep. to the XX Apr. Intern. sci. conf. on the problems of econ. a. soc. development (Moscow, Apr. 9–12 2019). Moscow, HSE, 2019, 153 p. (In Russ.)
18. Maslow A. H. *Motivation and personality*. New York, Harper & Row, 1970. 72 p.
19. Przeworski A. *Democracy and the market; political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge Univ. Press, 1991, 193 p.
20. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. *The motivation to work*. New York: Wiley & Sons, 1959. 114 p.

Информация об авторах

Бадарчи Херел Буян-оолович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Российская Федерация, 667 000, г. Кызыл, ул. Интернациональная 117а, к. 19, e-mail: herel_badarchi@mail.ru).

Товуу Наталья Оюновна – доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Российская Федерация, 667 000, г. Кызыл, ул. Интернациональная 117а, к. 18, e-mail: tovu@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 13.10.20

После доработки 10.11.20

Принята к публикации 13.11.20

Information about the authors

Kherel B. Badarchi – Candidate of Economic Science, Senior Researcher, Tuvian Institute for Complex Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (117a Internazionalnaya Str., Kyzyl, 667 000, Russian Federation, e-mail: herel_badarchi@mail.ru).

Natalia O. Tovuu – Doctor of Psychological Sciences, Tuvian Institute for Complex Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (117a Internazionalnaya Str., Kyzyl, 667 000, Russian Federation, e-mail: tovuu@mail.ru).

The paper was submitted 13.10.20

Received after reworking 10.11.20

Accepted for publication 13.11.20